

ОДИН ДЕНЬ...
ИЗ ЖИЗНИ ЭПОХИ...

Екатерина Мишаненкова

**ФАИНА
РАНЕВСКАЯ**

**ОДИН ДЕНЬ
В ПОСЛЕВОЕННОЙ
МОСКВЕ**

Издательство АСТ
Москва

© МИА «Россия Сегодня»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Любой человек – продукт своего времени. А известный человек одновременно является еще и признаком своего времени. Когда мы видим на экране Фаину Раневскую или читаем ее афоризмы, перед глазами сразу встает сталинская Москва, где на пушке отплясывает Любовь Орлова, советские ученые изучают солнечную энергию, комсомольцы-добровольцы строят метро, а по ВДНХ неторопливо гуляют стахановцы и прекрасные свинarki с орденами Ленина на груди. И над всем этим звучит знакомый голос: «Красота – страшная сила!» и конечно же: «Муля, не нервуй меня!»

Ох, как ненавидела Раневская эту «Мулю». Но ничего не поделаешь, этими словами ее приветствовал даже Брежнев, для которого она тоже была символом ушедшей эпохи его молодости...

Так и эта книга ни в коем случае не биография Фаины Раневской. Тем более что ее биографий написано уже довольно много и что-то новое рассказать о фактах из ее жизни почти невозможно. О том, когда она родилась, где училась и как стала актрисой, можно прочитать, например, в уже изданных книгах «Я – Фаина Раневская» и «Записки социальной психопатки». Здесь же делается попытка не просто рассказать факты из жизни великой актрисы, а показать срез эпохи, то общество, в котором она жила в годы ее расцвета – от окончания Великой Отечественной войны и до начала «оттепели».

Эта книга о том, чем увлекались, что смотрели, чем питались, о чем разговаривали и о чем молчали современники Фаины Раневской и конечно же она сама.

Почему советских пионеров можно было послать матом? Что за шубы продавала Раневская? За какую «колбасу» ей дали Сталинскую премию?

Прочтите – и узнаете.

10:00

НОВОЕ УТРО МОСКВЫ

Из воспоминаний Алексея Щеглова, «эрзац-внука» Фаины Раневской:

В один особенно жаркий день у Прутов на даче было решено идти купаться. Куда? Никакой речки я в округе не замечал. Был только пруд, которым кончалась дачная улица.

«Это не „Прут“, а „пруд“, – учила меня бабушка, – на конце не „т“, как у Софьи Ефимовны, а „д!“» В этом тесном пруду тогда бил холодный ключ, и однажды там утонул несчастный юноша – случился сердечный приступ. На этот пруд никто идти не хотел. А речка все-таки была – маленькая, незаметная, но не ручей – вилась себе среди кустов, вы-

В чем была главная особенность первых послевоенных лет? Наверное, в том, что все верили в лучшее. Страна лежала в руинах, но опьяненные Победой люди готовы были терпеть лишения, работать на износ и стремиться вперед, к светлому будущему, которое обязательно наступит. Потому что они видели чудо и чувствовали себя причастными к сотворению этого чуда, ведь это их руками была сломлена мощь фашистской Германии. «Все мое поколение, за исключением разве некоторых, переживало трудности, – вспоминал известный строитель В.П. Сериков. – Но духом не падали. Главное – война была позади. Была радость труда, победы, дух соревнования».

Совсем скоро это радостное ожидание, задавленное бытовыми проблемами и тяжелой работой, должно было превратиться в мечту, а потом у большинства людей и вовсе в сожаления о несбывшемся. Но эта вера в чудо наложила отпечаток на все поколение.

Каким же оно все-таки было – поколение переживших войну и встретивших Победу?

Прежде всего, как уже сказано, оно верило в счастливое будущее. Второй особенностью было, пожалуй, то, что люди после войны очень идеализировали предвоенное время. Четыре года страданий и лишений как бы скорректировали их память,

заставив помнить только о хорошем. Так часто бывает с воспоминаниями о молодости – очень многим кажется, что сорок лет назад трава была зеленее, еда вкуснее, а люди добрее. Но то сорок лет, а то четыре. Война перепахала сознание людей, проложив глубокую колею, разделившую жизнь на до и после.

Возможно, именно поэтому во второй половине 40-х наибольшим спросом в библиотеках пользовались сказки и приключенческие романы. Это было некое бегство от жестокой реальности в мир грез, или как писал один фронтовик: «страшная жажда всего, что не связано с войной». Людям нужна была компенсация той безумной психоло-

ходила на луг перед Ильинской красной церковью, и там среди холодной травы мы расположились для купания.

Я не умел плавать – бабушка, Фуфа и Пруты сидели на траве, а мама держала меня и ласково и медленно окунала в речную прохладную блестящую рябь – веселую и неожиданную, с желтым песчаным дном, похожим на полосатое небо у нашего кота.

**Из воспоминаний
Людмилы Гурченко:**

Потом я влюбилась в американскую актрису Жанетт Мак-Доналд. На экранах шли фильмы с ее участием: «Роз-Мари», «Тайнственный беглец», «Двойная игра» и «Спринг Тайм» – что значит «Весенние дни». Этот фильм мне больше всех нравился. Неизменный партнер Жанетт Мак-Доналд – красавец Эдди Нельсон. Ну то, что я наизусть знала всю музыку из всех картин «от и до» – это «як закон». Но актриса... Жанетт Мак-Доналд была моим идеалом во всех отношениях – голос, внешность, мимика,

гической нагрузки, которую они пережили, нужно было что-то яркое и красивое, чтобы забыть увиденные ужасы. Для этого и нужны были развлекательные книги, веселая музыка и конечно лучший из изобретенных к тому времени способов ухода от реальности – кино.

Неудивительно, что лидерами проката с середины 40-х и в первой половине 50-х были в основном приключенческие ленты, комедии и романтические мелодрамы про красивую любовь. В основном это были трофейные фильмы: «Девушка моей мечты», «Индийская гробница», все четыре части «Тарзана» и многие другие, уже давно забытые. Но работал и советский кинематограф – уже в 1945 году вышли такие популярные фильмы, как «Близнецы» и «Пятнадцатилетний капитан», выпустили

на экраны и «Сердца четырех», снятые еще до войны, но долгое время считавшиеся слишком легкомысленными. В 1946 году на экраны вышли «Беспокойное хозяйство» и «Каменный цветок», взявший на Каннском фестивале приз за лучшее цветное решение.

Власти хорошо понимали, что людям необходим этот мир грез, чтобы отдыхать от суровой реальности – разрушенных городов, нехватки еды, постоянной тяжелой работы и т. д. Поэтому кинотеатры восстанавливались быстрее, чем многие другие объекты. Так, в мае 1948 года, после капитального ремонта, в Москве уже заработал кинотеатр «Форум», и народ радостно повалил туда смотреть новый цветной фильм Ивана Пырьева «Сказание о земле Сибирской».

📌 Праздничная иллюминация и салют на Красной площади в честь 800-летия основания Москвы 7 сентября 1947 года.

«игра», ослепительная улыбка – все неотразимо!

Перед лентами с ее участием шел титр: «Этот фильм взят в качестве трофея после разгрома немецко-фашистских захватчиков». И после этого грозного известия начиналась такая розовая, безоблачная жизнь, с музыкой, перьями, пудренными париками, шляпами, кринолинами и кружевами... Все так соскучились по красоте, по музыке, что смотрели этот фильм по десятку раз. А я еще больше.

➊ *Иван Александрович Пырьев*

Елена Кузьмина. «О том, что помню»

Была у Пырьева еще одна особенность. Он любил мечтать, а мечтая, что-то придумывать. И сам потом верил в свои выдумки. Он, как Жюль Верн и подобные ему фантасты, наделял своих героев крыльями, жабрами, фантастической техникой.

Одно время Пырьев ставил фильмы о колхозах. Но не о тех колхозах, которые существовали в то время на самом деле. Он не хотел видеть грязь, бедность, безграмотность. Он придумывал самих героев. Богатых, нарядных, грамотных, веселых и счастливых...

У окружающих эта неправда вызывала раздражение и нарекания. Пырьева обвиняли в приспособленчестве. Да, вероятно, в то время это так и казалось. Никто не верил в возможность быстрых перемен. Но Пырьев, зажав уши, вел свою линию.

Но, пожалуй, самым знаменитым, можно даже сказать знаковым или культовым, фильмом послевоенных лет стала другая картина Пырьева – комедия «Кубанские казаки» с неизменной Мариной Ладыниной в главной роли. Фильм рассказывал о богатой и веселой жизни послевоенной деревни, за что его впоследствии, после разоблачения культа личности и тем более в 90-е, много критиковали.

С одной стороны, было за что. Картина показывала выдуманную, лакированную действительность, которую рисовали в официальных сводках, замалчивая реально существующие проблемы. Так, например, в конце 1946 года в «Огоньке» была напечатана оптимистичная заметка П.Я. Селезнева, секретаря Краснодарского краевого комитета партии: «Кубань живет хорошо, на славу! Колхозные закрома полны, урожай собрали вовремя и все другие работы справили. В этом году наш край дал государству шестьдесят четыре миллиона пудов хлеба, на пять миллионов пудов больше, да мяса сдали без малого вдвое против прошлогоднего». В это же время на рассмотрение Сталину поступила подборка документов об истинном положении дел с продовольствием в стране и сопроводительная записка от Берии: «31 декабря 1946 г. Представляю Вам полученные от т. Абакумова сообщения о продовольственных затруднениях в некоторых районах Молдавской ССР, Измаильской области УССР и выдержки из писем, исходящих от населения Воронежской и Сталинградской областей, с жалобами на тяжелое продовольственное положение и сообщениями о случаях опухания на почве голода».

Но критики, особенно постперестроечные, не жившие в те годы, не понимали, что было нужно людям, недавно перенесшим тяготы великой войны. Журналистка Т. Архангельская вспоминала, как в интервью одна из участниц съемок фильма рассказывала ей, что массовка, весело гулявшая по ярмарке и разглядывавшая горы фруктов, изготовленных из папье-маше, была голодной, но веселой. Они радовались съемкам, а вовсе не возмущались

тем, что участвуют в создании обмана. «Мы верили, что так и будет и что всего много будет, – говорила она, – чего захочешь. И нам так нужно было, чтобы все было нарядно и чтобы песни пели».

У Раневской на эти годы приходится тоже три самые легкие веселые картины из всей ее довольно небольшой фильмографии (она за всю жизнь сыграла всего в двадцати семи фильмах, включая телеспектакли, короткометражки и эпизодические роли без слов). Это «Небесный тихоход», «Весна» и «Золушка». Во всех них она себе образы создала фактически сама, благо режиссеры ей не мешали, а Григорий Александров, снимавший «Весну», так и вовсе поощрял, он как раз любил приглашать больших артистов на маленькие роли и давать им творческую свободу. Но о «Весне» еще будет разговор в другой главе.

«Золушка» тоже стала одной из самых удачных картин с участием Раневской. В ней все идеально совпало – прекрасный сценарий, талантливый режиссер, отличный оператор и целое созвездие луч-

© МИА «Россия Сегодня»

🕒 Фаина Раневская
и Любовь Орлова в фильме «Весна»

© МИА «Россия Сегодня»

➔ Фаина Раневская: «В сцене, где я готовилась в к балу, примеряла разные перья – это я сама придумала: мне показалось очень характерным для мачехи жаловаться на судьбу и тут же смотреть в зеркало...»

Георгий Андреевский. «Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху 1930 – 1940 гг.»

За киносценарий полнометражного фильма, например, можно было получить от 30 до 80 тысяч, а за съемку фильма кинорежиссеру полагалось от 20 до 75 тысяч рублей. Ежемесячно кинорежиссеры, даже если они и не снимали фильмы, получали зарплату. Зарплата наиболее выдающихся режиссеров составляла 4–5 тысяч, а невыдающихся – 2–3 тысячи. Актеры высшей категории в период съемки фильма получали 3,5–4 тысячи рублей в месяц. А вот низшая ставка актера третьей категории составляла всего тысячу рублей. Эта ставка уже приближалась к зарплате следователя прокуратуры...

...К тому же жизнь была дорогой, фильмов снималось мало, телевидения еще не было или почти не было, и артистам приходилось искать любую возможность, чтобы подработать. Такую возможность давали концерты, и пре-

➔ Янина Жеймо: «И тогда я пошла на хитрость».

ших советских актеров того времени. Золушку играла Янина Жеймо, Короля – Эраст Гарин, Лесничего – Василий Меркурьев. Работали они все с воодушевлением и буквально вживались в своих героев.

Янина Жеймо вспоминала, как снималась знаменитая сцена, где Золушка надевает туфельку своей сестре: «В сценарии Евгения Шварца „Золушка“ героиня просто надевала туфельку по приказанию мачехи. Моя Золушка, как я ее представляла, не могла просто из чувства страха или покорности мачехе исполнить приказание. Я долго просила Шварца дописать фразу, объясняющую согласие Золушки надеть туфельку. Но он считал, что для Золушки, которую любят дети всего мира, ничего не нужно объяснять... И тогда я пошла на

хитрость. На съемке эпизода с туфелькой Раневская-мачеха начинает льстиво уговаривать Золушку надеть туфельку. Я, Золушка, молчу. Раневская опять обращается ко мне. Я опять молчу. Фаина Георгиевна теряется от моего молчания и неожиданно для всех – и для самой себя тоже – заканчивает фразу: „А то я выброшу твоего отца из дома“...» Жеймо не ошиблась в своих ожиданиях – Шварц принял этот экспромтом родившийся вариант. В таком виде сцена и вошла в картину.

Были и другие знаменитые фразы и эпизоды, родившиеся прямо на съемках. Так например, Раневская писала в дневнике: «В сцене, где готовилась к балу, примеряла разные перья – это я сама придумала: мне показалось очень характерным для Мачехи жаловаться на судьбу и тут же смотреть в зеркало, прикладывая к голове различные перья, и любоваться собой».

Были в послевоенные годы и другие популярные развлечения. Все, наверное, помнят, как в фильме «Место встречи изменить нельзя» Глеб Жеглов лихо обыгрывал Копченого в бильярд. Это действительно был один из самых популярных видов досуга, особенно расцветший в конце 40-х. В 30-е против бильярда были серьезные гонения, как и против других азартных игр, на «интерес» же мало кто играл, в основном на деньги. Но после войны власти смотрели на подобные развлечения сквозь пальцы, не до того было.

Так что бильярдные открывались вполне легально, причем не только в ресторанах, но и в таких солидных заведениях, как Дом учителя, Дом архитектора, Дом санитарного просвещения и т. п., не говоря уж о многочисленных санаториях и домах отдыха. В том числе его повсеместному распространению помогло и то, что в СССР появилось много хороших трофейных бильярдных столов, вывезенных из Германии.

19 апреля 1948 года в парке Горького открылась бильярдная на пятнадцать столов, работавшая с одиннадцати утра до двенадцати ночи. Маркера-

Янина Жеймо: «Моя Золушка не могла просто из чувства страха и покорности исполнить приказание Мачехи».

жде всего «левые», где гонорар устанавливался по договоренности, а не по ставке, которая была копеечной. Имена знаменитых артистов на афишах служили отличной приманкой для зрителей, а следовательно, для извлечения дохода. И все были довольны. Артисты – «наличными», зрители – знаменитостями, администраторы – сборами. Недовольным оставалось только государство: оно не получало налоги...

...Государство вело решительную борьбу с жуликами и расхитителями социалистической собственности, и суды были завалены многотомными делами о хищениях, злоупотреблениях и растратах.

🕒 *Москвичи на скачках. 1956 год*

🕒 *Рысистые испытания на Московском ипподроме. 1956 год*

ми там служили три женщины, выдававшие шары, кии, мел. Время начала игры записывалось мелом на доске, а по окончании игры ее участники платили деньги в кассу. Час игры стоил полтора рубля. А вот в бильярдной в подвале гостиницы «Метрополь» час игры стоил тридцать рублей. Но и игроки туда ходили непростые, для них это была левая сумма, на бильярде в «Метрополе» тогда проигрывались тысячи рублей. Там да и в других таких же серьезных местах бывали профессионалы, для которых это был способ зарабатывать на жизнь.

Впрочем, на деньги тогда и в ресторанах, и во дворах играли во что угодно. Когда в 50-х вновь начались гонения на азартные игры, поймали немало профессионалов не только бильярда, но и преферанса, и даже шахмат.

Еще одним вполне легальным способом просаживать деньги можно было на ипподромах. Там после войны все время царил настоящий ажиотаж. Трибуны были забиты до отказа, деньги текли рекой. И это в условиях послевоенной нищеты и разрухи! Но азартные люди охотно спускали на бегах все заработанное и уж тем более все наворованное – естественно, довольно большую часть клиентов букмекеров составляли игроки, живущие на нетрудовые доходы.

Ставок в то время существовало только три вида: «одинар» – это когда ставка делалась на одну лошадь в одном заезде, «двойной одинар» – ставка на двух лошадей в двух заездах и «парный одинар» – когда ставка делалась на двух лошадей в одном заезде. Жокеев знали в лицо и по именам, у своей публики они были не менее популярны, чем какие-нибудь артисты.

Но, пожалуй, ничто не могло сравниться по популярности с футболом (кроме кино, конечно). После войны любовь к спортивным соревнованиям вышла на новый виток. Люди остро нуждались в положительных эмоциях и чувстве единения, чтобы хоть как-то заменить те эмоции, которые ощущали, слушая по радио сводки об очередных победах.

И конечно, наибольшим успехом пользовался самый дешевый и массовый вид спорта – футбол.

Из воспоминаний Алексея Щеглова:

В свободный день Фаина Георгиевна решила поехать со мной на ипподром. Очевидно, она задумала эту акцию еще в Москве, ведь мы жили на Беговой, рядом с ипподромом, но в 1949 году он сгорел и был надолго закрыт. Как всегда, Фуфа хотела сделать своему «эрзац-внуку» подарок. Довольно быстро насладившись видом лошадей, Раневская вошла в азарт и стала делать ставки на различные номера в заездах, все больше втягиваясь и раз от разу проигрывая все больше. Кончилось тем, что мы в чужом городе, далеко от дома, остались без единой копейки, и Раневская ехала со мной на трамвае «зайцем», ни жива ни мертва от страха в ожидании контролера.

В тот приезд во Львов у Раневской, впрочем, как обычно, была бессонница. Она рассказывала об одном из эпизодов ее ночных бдений: выйдя однажды на балкон гостиницы, Фаина Георгиевна с ужасом обнаружила светящееся неоновыми буквами огромных размеров неприличное существительное на букву «е». Потрясенная ночными порядками любимого города, добропорядочно соблюдавшего моральный советский кодекс днем, Раневская уже не смогла заснуть и лишь на рассвете разглядела потухшую первую букву «М» на вывеске мебельного магазина, написанной по-украински: «Мебля».

© МИА «Россия Сегодня»

